

Предпоследняя истина

Пятнадцать рисунков Никиты Алексева

акция концептуализм

Сегодня вечером в московской галерее Lisa P/OGI состоится аукцион предсмертных рисунков Никиты Алексева, легенды московского современного искусства. Причем живой легенды — автор решил сказать умершим, чтобы критикам было легче произвести вивисекцию над его творчеством. В мрачно-ватом эксперименте принимала участие ИРИНА КУЛИК.

«Предсмертные рисунки. Всякое дыхание да славит господу» — так называется выстав-

ка. Предсмертных рисунков почти две тысячи. Большинство покоится в папках. Чтобы отобрать 15 лучших произведений, занявших свое место на стенах, художник пригласил пятерых экспертов-критиков.

В 1970-е годы Никита Алексеев входил в группу «Коллективные действия», чьи акции-перформансы стали основополагающими для московского концептуализма. В начале 1980-х в его квартире и при его участии открывается галерея «Арт-Арт», едва ли не первая частная галерея в СССР, породившая

особый художественный стиль. С 1987 по 1993 год художник жил во Франции, а вернувшись, объявил, что бросил искусство. «Предсмертные рисунки» — его первая персональная выставка с 1996 года.

На рисунках были пейзажи, малевичские квадраты, иногда прорастающие серафимьими крылами, и трогательные цветочки. Присутствовали березы и кипарисы, церкви и «хрущобы», кресты и полумесяцы. Встречались Христос, Будда, бен Ладен, Владимир Путин, но чаще всего попадались насупленный носатый человек и грустная лох-

матая псина. Высказывания на нескольких языках касались религии, политики, философии и житейской мудрости. В общем, труд всеобъемлющий и монументальный, как и подобает «предсмертному». Только вместо лаконичного последнего слова — бормотание несметных картинок, походя набросанных простым карандашом.

При виде сего подвига критик должен понимающе кивнуть, оценить величие проекта, порассуждать о графомании в русской культуре и просмотреть листов десять. Но что делать, ког-

да надо оценить каждый из рисунков по четырехбалльной системе: «очень хорошо», «хорошо», «плохо», «очень плохо»? Критик пытается выработать критерии, сверяется с оценкой, которую предварительно вынес работам сам художник, косит глазом на соседа по испытанию. Ставит кол за цветочки и четыре — за пейзаж из одной-единственной линии. Замечает, что ему нравится, когда с самолетами, и не нравится, когда с крестами, не нравится, когда матом, и не нравится, когда на непонятном греческом. Нервничает, осознает соб-

ственное профессиональное дееспособность и решает, что все это — варный тест для самих экспертов. На открытии недоумевает, почему же всем так полюбили именно эти 15 картинок.

Пролистав всю кипу, все равно думаешь, что упустил какой-то самый важный, единственный, но подлинный лист среди сотен других, сделанных для отвода глаз. Черт его знает, может, какой-то из представленных на аукцион рисунков и есть заветный листок девр. Только ни эксперты, ни сам художник не подскажут, какой именно.

Коммерсантъ. — 2003. — 29 мая. — С. 22.

19